

Конфликтный потенциал петровской реформы бюрократии в зеркале послепетровской «эпохи дворцовых переворотов»

Знаменский Дмитрий Юрьевич

Канд. полит. наук, доц. каф. государственного управления и политических технологий

ORCID: 0000-0002-3492-1567, e-mail: belyferz@list.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается реформа государственной службы в России 1716–1722 гг. и ее влияние на социальные процессы послепетровской России. Особое внимание автор уделяет конфликтному потенциалу проводимых Петром I преобразований в сфере государственной службы, в связи с чем выделяются наиболее острые конфликты, вызванные означенной реформой, дается их классификация и анализ факторов, напрямую повлиявших на их развитие. Автор дает собственную трактовку событий первого пятилетия «эпохи дворцовых переворотов» с точки зрения науки о конфликтах, анализирует социальный состав конфликтующих сторон, логику их действий, социально-политические итоги противостояния. В качестве ключевых конфликтогенов выделяются изначальный ценностный разрыв между «старым» и «новым» чиновничеством, а также ряд проблем, не решенных в правление Петра I.

Для цитирования: Знаменский Д.Ю. Конфликтный потенциал петровской реформы бюрократии в зеркале послепетровской «эпохи дворцовых переворотов» // Вестник университета. 2022. № 6. С. 17–22.

Ключевые слова

Государство, бюрократия, реформы Петра I, государственная служба, государственное управление, конфликтный потенциал, социальный конфликт

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-09-42064.

The conflict potential of Petrine bureaucracy reform in the mirror of post-Petrine “epoch of palace coups”

Dmitriy Yu. Znamenskiy

Cand. Sci (Polit.), Assoc. Prof. at the Department of Public Administration and Political Technology

ORCID: 0000-0002-3492-1567, e-mail: belyferz@list.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article considers the reform of the civil service in Russia 1716–1722, and its influence on the social processes of post-Peter Russia. The author pays particular attention to the conflict potential of the transformations carried out by Peter I in public service, thereby the most acute conflicts caused by the reforms are distinguished, and their classification and analysis of factors that directly influenced their development are given. The author interprets the events of the first fifth anniversary of the «era of palace coups» in terms of conflict science, analyses the conflicting parties social composition, the logic of their actions, the socio-political results of the confrontation. The initial value gap between the “old” and “new” bureaucracy and a number of problems, have not been solved in the reign of Peter I, are highlighted as key conflict triggers.

For citation: Znamenskiy D.Yu. (2022) The conflict potential of Petrine bureaucracy reform in the mirror of post-Petrine “epoch of palace coups”. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 17–22.

Keywords

State, bureaucracy, reforms of Peter I, public service, public administration, conflict potential, social conflict

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research under Scientific Project No. 20-09-42064.



ВВЕДЕНИЕ

Последствия реформ Петра Великого служили предметом дискуссий как в научных, так и в общественно-политических кругах на протяжении последних двух столетий. Не стала исключением и реформа государственной службы. В частности, социальные последствия формирования в России бюрократии западноевропейского образца детально рассматривались в трудах Е. В. Анисимова, М. М. Богословского, Д. И. Иловайского, А. Б. Каменского, И. В. Курукина и др.

Особый интерес для исследователей, в том числе в свете продолжающихся общественно-политических дискуссий о личности и реформах Петра I, представляет анализ конфликтного потенциала государственных преобразований в России первой четверти XVIII в. и их влияния на социальные конфликты послепетровской эпохи.

Действительно, несмотря на в целом прогрессивный характер петровских реформ и, как главный их итог, безусловно возросший престиж России, нельзя не отметить чрезвычайно конфликтный характер проводившихся в России преобразований. Политика интеграции патриархальной России в рациональную европейскую цивилизацию не могла не привести к мощнейшему ценностному разрыву: до сих пор в российском обществе наблюдается острая дискуссия так называемых «западников» и «почвенников».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Методологическую основу исследования составили, прежде всего, труды отечественных [1–4] и зарубежных [5] исследователей, посвященных петровским реформам (в том числе реформе государственной службы). С другой стороны, принципиальное значение в контексте настоящего исследования имеют работы ученых-конфликтологов, раскрывающие природу, принципы и типовые сценарии развития масштабных социальных конфликтов, в том числе порожденных изменениями, подобными петровской модернизации. Конкретно речь идет о трудах Р. Дарендорфа [6], А. Козера [7], А.Г. Здравомыслова [8] и др.

В частности, принципиально важным для исследования социальных противоречий, обусловленных петровскими преобразованиями, является методология структурного анализа конфликта. Конфликт, как объект научного исследования, может быть структурирован с точки зрения причин конфликта, его участников и внешних условий. К числу основных элементов конфликтного взаимодействия можно отнести: а) причины конфликта; б) участников конфликта; в) социальную среду, то есть условия конфликта; г) субъективное восприятие, или образ конфликта; д) действия и поведение участников конфликта. Очевидно, что любой социальный конфликт связан с некими причинами (конфликтогенами), чаще всего выражающимися в дефиците тех или иных ценностей, невозможности либо неспособности удовлетворить ту или иную общественно значимую потребность. Именно ценность, способная устранить означенный дефицит, и выступает в качестве причины конфликта.

Очевидно, что в качестве основных участников (сторон) конфликта выступают собственно противодействующие стороны, как минимум одна из которых испытывает неудовлетворенность в связи с реальным либо мнимым ущемлением ее потребностей и интересов.

Под социальной средой понимаются те конкретные условия, в которых формируется, зреет, осуществляется и разрешается конфликт, то есть речь идет не только о ближайшем, но и о более широком окружении конфликтующих сторон.

Кроме того, характер конфликта зависит как от объективных условий, так и от субъективного восприятия сторонами ситуации, то есть от образа конфликта. Весьма часто указанное восприятие далеко не соответствуют истинному положению дел. В целом образы конфликта могут быть классифицированы по трем видам: 1) представления конфликтантов о самих себе; 2) восприятие других участников конфликта; 3) восприятие внешней среды, в которой разворачивается конфликт. Именно такие образы, представляющие, как правило, упрощенную картину конфликта, а не объективная реальность сама по себе, становятся основой поведения участников конфликта. Важно помнить, что, с одной стороны, указанные образы порождаются объективной ситуацией, а с другой – человеческое сознание дополняет их субъективным восприятием. В этой связи возникает еще один источник конфликтов – разница в понимании конфликтной ситуации (образами конфликта) и реальностью.

Соответственно, под конфликтным потенциалом в данном случае следует понимать вероятность участия соответствующих акторов переходить к активным конфликтным действиям под влиянием имеющихся факторов и предпосылок.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Как представляется, государственные реформы Петра I оставили нерешенными целый ряд проблем, лишь усугубившихся в последующие царствования. Применительно к государственной службе следует в первую очередь отметить: 1) несформированную систему подготовки кадров для государственного аппарата; 2) весьма условно существующую политику планирования потребности в кадрах; 3) вынужденное сосуществование новых («табельных») чиновников и старой («приказной») бюрократии; 4) неуклонно растущие масштабы коррупции.

Так, первая из означенных проблем заключалась в том, что обучение дворян, их подготовка к службе в коллегиях и при Сенате по-прежнему основывалась на направлении их за границу, что лишь усугубляло отмеченный нами выше ценностный разрыв между дворянством и остальным российским обществом. Комментируя проблему отсутствия системы планирования потребности в кадрах, следует отметить, что более-менее системно такая работа стала осуществляться в российском государственном аппарате лишь в правление Николая I. Необходимость параллельного существования в Российской империи XVIII в. старого («приказного») и нового («табельного») чиновничества прослеживается в трудах как дореволюционных, так и современных историков. Это выражалось в том, что в 1706–1711 гг. в войсках еще числились служилые люди под прежними чинами жильцов, стольников, стряпчих, дворян московских и т. п., а термины «дети боярские» и «служилые люди» выходят из оборота только к 1711–1712 гг. [9, с. 380]. Что же касается гражданской службы, то для каждой коллегии утверждался штат служащих, причем состав чинов коллегии был «смешанный» и включал как новые чины, названные иноязычно (президенты, вице-президенты, советники, ассессоры, секретари, нотариусы, актуариусы, регистраторы), так и старые (подьячие). Таким образом, многие «новые» коллежские чиновники сохраняли «старые» пороки приказной системы – низкий уровень общего образования, профессиональную некомпетентность, зависимость от начальства, взяточничество и т. д. Наконец, актуальной в петровское и послепетровское время становится проблема коррупции. Примечательно, что даже политические по своей природе дела В. Монса (1724 г.), А. Д. Меншикова (1727 г.) и А. П. Воынского (1738 г.) вскрывали факты о многочисленных хищениях и взятках.

Указанные проблемы стали значимой частью целого комплекса конфликтогенных факторов общественной жизни России XVIII в. Это проявлялось в следующих конфликтах: 1) конфликт между родовой аристократией и набиравшим все большую силу шляхетством – служилым дворянством; 2) конфликт между старым служилым сословием и правительством Петра I; 3) конфликт между старым и новым, а также между столичным и провинциальным чиновничеством. Кроме того, рано или поздно перед правительством должен был встать вопрос о расширении социальной базы государственной службы, что само по себе обостряло уже существовавшие противоречия.

Примечательно, что если во втором и третьем случаях конфликт можно считать латентным, то есть скрытым, то противостояние между родовой аристократией и «птенцами гнезда Петрова» носило вполне открытый характер и проявлялось, помимо прочего, в складывающихся конфигурациях придворных группировок. Наступивший после смерти Петра I период политической нестабильности отличался тем, что большинство монархов и приближенных к престолу лиц получило власть благодаря вооруженной силе (гвардии, состоящей из дворян) и зачастую посредством той же силы теряло власть, свободу и жизнь.

Обращает на себя внимание и такой конфликтогенный фактор: в последние годы правления Петра I казна испытывала существенный недостаток средств, и это приводило к урезанию жалования служилым людям вообще и гвардейцам в частности [10]. Означенная проблема делала гвардию зависимой не только (и не столько) от воли монарха, сколько от воли тех, кто обеспечит (или пообещает) ей надлежащий достаток. Достаточно упомянуть, что трое из восьми государей, правивших в период с 1725 по 1762 гг., пришли к власти с помощью гвардии, и столько же были свергнуты и убиты. Политическим поражением и опалой завершились карьеры А. Д. Меншикова, П. А. Толстого, А. И. Остермана, Э. И. Бирона, Б. Х. Миниха, князей Голицыных и Долгоруких [11, с. 80]. Особенно остро это противостояние проявилось в первое пятилетие «эпохи дворцовых переворотов», то есть в правление Екатерины I и Петра II. Так, по словам российского дореволюционного историка Д. И. Иловайского, упомянутый период характеризуется прежде всего «борьбой придворных группировок и отдельных лиц за контроль над государственными делами» [3, с. 365].

Общепринятая в конфликтологии классификация позволяет рассматривать указанные конфликты как: а) межгрупповые; б) социально-политические либо социальные; в) горизонтальные; г) компромиссные. Так, межгрупповой характер противостояния в данном случае очевиден: субъектами выступают внутрисословные группы (в первом и втором случаях) либо целые сословия (в третьем). Если первые два типа конфликтов (а, б) по своей природе социальные, то третий (в) носит политический характер, поскольку речь идет ни много ни мало, как о борьбе за власть. Что же касается классификации рассматриваемых конфликтов как компромиссных (г), то данная точка зрения автора обусловлена, во-первых, достаточно плавным переходом российской бюрократии от «допетровского» своего состояния к новому, более рациональному типу, во-вторых, достаточно высокой мобильностью петровского дворянства (место жительства или расположение поместий теперь не было строго увязано с местом службы), и, наконец, в-третьих, возможностью использовать учреждаемые высшей властью коллегиальные органы управления для согласования интересов.

Наиболее ярким примером здесь может служить учрежденный Екатериной I как раз для этих целей Верховный тайный совет. Конфликт, приведший к созданию Этого органа, представляется не просто борьбой двух придворных группировок, сформировавшихся вокруг потенциальных наследников Екатерины I, а именно противостоянием родовой аристократии (в первую очередь князя Голицыны и Долгорукие) и выслужившегося в петровскую эпоху шляхетства. Если вторые в 1725 г. стали опорой новой императрицы, то первые еще со смерти Петра Великого делали ставку на его внука Петра Алексеевича – будущего Петра II. Екатерина была вынуждена учитывать наличие такой оппозиции, и Верховный тайный совет представляется в связи с этим не просто новым совещательным органом при монаршей особе, но и попыткой нейтрализации оппозиционно настроенной аристократии. Анализ первого состава Верховного тайного совета позволяет сделать вывод, что целью его создания была именно консолидация, пусть и временная, правящей элиты [12, с. 109]. Впоследствии еще одно попыткой найти компромисс между старой и новой элитой было назначение Петра Алексеевича наследником престола при регентстве Верховного тайного совета (с включением в оный цесаревны Елизаветы Петровны).

Высшей точкой конфликта между служилым сословием (шляхетством) и родовой аристократией стали события 1730 г., связанные с попыткой ограничения императорской власти. Примечательно, что сам факт такого ограничения изначально устраивал обе стороны. Это подтверждается значительным числом конституционных проектов, выработанных дворянством (по подсчетам историков, всего под такими проектами поставили подписи порядка 1 100 представителей служилого сословия) [2, с. 53–89]. Однако ни один из разработанных проектов не был одобрен Верховным тайным советом. Подобный отказ от сотрудничества привел к форсированию конфликта, то есть открытому разрыву шляхетства с правительством «верховников» и консолидации служилого сословия вокруг идеи неограниченной монархии.

Не менее глубоким и не менее проблемным для петровского правительства стал латентный конфликт с дворянством. С одной стороны, именно служилое сословие, в силу своего статуса, должно было стать кадровой основой новой бюрократии, с другой – служба в реорганизуемом государственном аппарате требовала качественно иных знаний, умений и навыков, качественно иного отношения к службе.

С точки зрения структуры конфликта, обращает на себя внимание неокончательная оформленность одной из его сторон, поскольку в вопросе службы дворянство не обладало единой позицией, а их сословные интересы еще не были окончательно сформулированы. В целом же стороны данного конфликта априори находились в неравном положении: и формально, и с точки зрения господствующей в России политической культуры царь по определению был прав в любом своем решении. Вместе с тем налицо следующие признаки конфликта.

1. Противоречивость целей сторон: если Петр I стремился вынудить дворянство (и особенно дворянскую молодежь) служить «регулярно» и в соответствии с потребностями реформируемого государства, то ключевым императивом большинства служилых людей было сохранение прежних, достаточно комфортных условий службы при неприятии вводимых царем новшеств.

2. Противоположное восприятие конфликтной ситуации: наиболее консервативные слои дворянства рассматривали всю политику царя как вопиющее нарушение традиций, что порождало стремление обойти прямые указания властей, в то время как Петр, в силу перенесенного в детстве и юности опыта, воспринимал любые факты неподчинения как потенциальный мятеж.

3. Конфликтные действия сторон. Следует напомнить, что типология таких действий включает не только активно-конфликтные, но и пассивно-конфликтные, то есть оборонительные действия. К последним можно отнести массовые уклонения дворян от направления на учебу в страны Европы. Так, известны многочисленные попытки дворянских недорослей избежать учебы поступлением в семинарии и даже принятием монашеского пострига. В то же время действия Петра I по принуждению дворян к регулярной службе, в том числе гражданской, а также к учебе, следует охарактеризовать как активно-конфликтные. Речь идет о мерах как административного, так и экономического характера. В числе первых – запрет на венчание без предъявления письменного свидетельства из школы [9, с. 384], направление изъявивших нежелание учиться на «черные» работы в строящийся Санкт-Петербург и т. д. К экономическим рычагам принуждения к учебе и службе следует отнести публикацию имен неявившихся на службу с целью не только их обнаружения, но и раздачи «недвижимых имуществ, принадлежащих сим последним» [13]. Кроме того, в соответствии с законом о майорате 1714 г., любое земельное владение (в том числе и вотчинное) могло быть конфисковано за уклонение от государственной службы, а сам уклонившийся – лишен дворянского звания и записан в однодворцы, то есть перемещен в податное сословие.

4. Конфликтогенность внешней среды, заключающаяся в необходимости реорганизации государственного аппарата стремительными темпами и в условиях неоконченной Северной войны, в переносе европейских образцов организации бюрократии на российскую почву и связанным с этим ценностным разрывом, о котором упоминалось выше.

В известной степени производным от предыдущего выступает конфликт внутри самого служилого сословия – между так называемым «старым» (приказным) и новым чиновничеством. Предметом конфликта в этом случае служили главным образом возможность строить карьеру в наиболее комфортных для той или иной стороны условиях (соответственно, с опорой на корпоративную принадлежность, традиции и в известной степени знатность или на собственные способности, выслугу и расположение царя). Означенное позволяет говорить о противоречивости целей.

Что же касается восприятия ситуации сторонами конфликта, то нельзя не отметить еще одно противоречие: с одной стороны, Петр I в Табели о рангах формально приравнял статскую службу к военной (в том числе в части привилегий и положения в государстве), а с другой – данный вид службы издавна воспринимался дворянством как второстепенный, незначительный и, в отличие от военной службы, сводящийся к отдельным поручениям (т. н. «посылки») [8]. Латентный характер конфликта и практическое отсутствие активно-конфликтных действий обусловили во многом естественный характер его разрешения: приверженность «старине» перестала быть выгодной, а новые поколения чиновников усваивали новые правила службы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс адаптации дворянства к новым условиям службы продолжался всю первую половину XVIII в., и наибольшую остроту приобрел в правление Петра I. Противостояние между консервативной частью служилого сословия и правительством Петра I не носило открытого характера, в том числе в силу заведомо неравного статуса сторон, но все же в данном случае представляется обоснованным говорить именно о конфликте, обусловленном несовпадением общественно значимых интересов сторон.

Анализируя причины, способ разрешения и социально-политические последствия противостояния между родовой аристократией и новым шляхетским (дворянским) сословием, нельзя не отметить тот факт, что само участие последнего в качестве стороны конфликта стало возможно только вследствие петровской реформы государственной службы. Именно превращение приказного чиновника и мелкопоместного служилого человека в дворянина, обладающего чувством собственного достоинства (которое старательно и зачастую насильственно прививалось Петром I данному сословию) обусловило формирование у целого социального слоя политического сознания и готовности отстаивать общесословные интересы.

Библиографический список

1. Анисимов Е.В. *Россия без Петра. 1725–1740*. СПб.: Лениздат; 1994. 496 с.
2. Богословский М.М. *Российский XVIII в. Кн. 1*. М.: Интелвак; 2008. 530 с.
3. Здравомыслов А.Г. *Социология конфликта*. М.: Аспект-пресс; 1996. 317 с.
4. Иловайский Д.И. *Очерки отечественной истории*. М.: Мысль. 1995. 510 с.

5. Омельченко Н.А. [ред.]. *История России: в 4 т. Т. 2. Становление и развитие Российской империи (XVIII – начало XIX века): коллективная монография.* М.: Инфра-М; 2018. 445 с.
6. Каменский А.Б. *Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация.* М.: Новое лит. обозрение; 1999. 326 с.
7. Князьков С. *Из прошлого русской земли. Время Петра Великого.* М.: Планета; 1991. 712 с.
8. Курукин И.В. *Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг.* Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербургский фил.; 2019. 757 с.
9. РГАДА. Ф7. Оп. 1. № 6.4.10. Л. 248, 253–253об.
10. Хоскинг Дж. *Россия и русские = Russia and the Russians: a history.* В 2-х кн. Кн. 1. Пер. с англ. Р. А. Арсланова и др. М.: АСТ: Транзиткнига; 2003. 494 с.
11. Coser L. *The Function of Social Conflict.* Glencoe; 1956. 188 p.
12. Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society.* Stanford: Stanford University Press; 1959. 792 p.
13. Именной указ, данный Сенату, 26 января 1716 г. В кн.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 5. 1716 год. Ст. 2988.

References

1. Anisimov E.V. *Russia without Peter: 1725–1740.* St. Petersburg: Lenizdat; 1994. 496 p. (In Russian).
2. Bogoslovskiy M.M. *Russian XVIII century. Book. 1.* Moscow: Intelvak; 2008. 530 p. (In Russian).
3. Zdravomislov A.G. *Sociology of conflict.* Moscow: Aspect press. ; 1996. 317 p. (In Russian).
4. Ilvaynskiy D.I. *Essays on Russian history.* Moscow: Misl'; 1995. 510 p. (In Russian).
5. Omelchenko N.A. (Ed.) *History of Russia: in 4 volumes. V. 2. Formation and development of the Russian Empire (XVIII – first half of the XIX century): collective monograph.* Moscow: Infra-M; 2018. 445 p. (In Russian).
6. Kamenskiy A.B. *Russian Empire in XVIII century: traditions and modernisation.* Moscow: New lit. rev.; 1999. 326 p. (In Russian).
7. Knyazkov S. *From the past of the Russian land. The time of Peter the Great.* Moscow: Planeta; 1991. 712 p. (In Russian).
8. Kurukin I.V. *The era of «Court storms»: essays of political history of post-Petrine Russia, 1725–1762.* St. Petersburg: Nauka, St. Petersburg Phil.; 2019. 757 c. (In Russian).
9. *Russian State Archive of Ancient Acts.* Found 7.1. No. 6.4.10. Pp. 248, 253–253reverse. (In Russian).
10. Hosking J. *Russia and the Russians: a history.* In 2 books. Book 1. Trans. from Eng. M.: ASR: Transitskniga; 2003. 494 p. (In Russian).
11. Coser L. *The Function of Social Conflict.* Glencoe; 1956. 188 p.
12. Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society.* Stanford: Stanford University Press; 1959. 792 p.
13. Personal Decree to the Senate, Jan. 26, 1716. In: *Corp of Laws of Russian Empire since 1649. V. 5. 1716. Art. 2988.* (In Russian).